

О. С. Соина²

О КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Национальная идентичность самым непосредственным образом связана с культурой. Чтобы обрести национальную идентичность, нужно постичь сущность той культуры, которая составляет ценностный фундамент нации.

Понять сущность русской культуры — значит исследовать ее предельные ценностные основания. Поскольку русская культура не единственная в мире, то постижение ее сущности неизбежно связано с сопоставлением ее, как это обычно делается, с западной и восточной культурами.

Специфическая особенность русской культуры, рассмотренной с точки зрения ее основополагающих ценностей, нашла выражение в идее *соборности*, введенной в культурный оборот А. С. Хомяковым и представляющей собой одно из величайших прозрений русской мысли. Именно в ней со всей отчетливостью просматривается уникальность России на фоне западной и восточной цивилизаций. Если *Запад* строится на *принципе индивидуализма*, индивидуальные свободы и личный интерес почитает более других ценностей, а *Восток*, наоборот, опирается на *принцип корпоративности* (коллективизма), общественные интересы ставит выше личных, то Россия *стремится* именно к *соборности*. Вл. Соловьев формулирует *соборный идеал* как *полную свободу составных частей в совершенном единстве целого*. Таким образом, принцип соборности представляет собой попытку соединения личной свободы с социальным единством людей.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что *соборность*, в отличие от принципов индивидуализма и корпоративизма, на которых построена жизнь на Западе и Востоке, имеет не столько нормативно-культурный характер, сколько *духовно-идеальный*. Иначе говоря, индивидуализм и корпоративизм — это принципы, реализующиеся в повседневной жизни людей, практически составляющие норму. Соборность же — это сфера устрем-

лений русского человека, к которой одни люди ближе, другие — дальше, третьи — совсем в стороне. Вот отчего соборность как принцип организации жизни русского человека и русского общества порой очень трудно зафиксировать эмпирически, непосредственно, особенно в относительно благополучные периоды русской истории. Однако в полной мере этот принцип обнаруживает себя в периоды испытаний, войн, природных катаклизмов и т. д. Необходимо отметить также, что соборность, будучи одним из принципов и признаков христианской церкви, закрепленных в символе веры, имеет корни и связь с христианской (православной) традицией. Это обстоятельство вполне объясняет духовно-идеальный характер этого принципа и в то же время предостерегает от приземленного его толкования. Высшим смыслом и главной целью человека, согласно евангельской истине, является спасение человека как личности. Только в этом контексте и можно понять русскую соборность в целом и основные ценностные понятия, ее составляющие. В идее соборности имманентно содержится много ценностных понятий. Рассмотрим некоторые из них.

Понятие *свободы* составляет один из важнейших компонентов сущности любой национальной культуры. Для русской культуры характерно особое понимание свободы, не совпадающее с тем, как ее переживают и оценивают на Западе.

Для *западного человека* свобода есть *нечто, имеющее предел*. Каждый свободен ровно настолько, насколько позволяет ему его капитал. Другое ограничение на свободу накладывается правом. Человек свободен в рамках *права*. Это необходимо, чтобы индивидуальные притязания на свободу не находились в состоянии антагонизма с притязаниями на свободу других людей. В русском же нравственном сознании свобода осмысливается и переживается иначе. Она не имеет столь жесткой фиксации с материальным богатством и правом. Часто на Руси богатство казалось тяжким бременем. Материально преуспевающий представитель правящих сословий мог испытывать угрызения совести перед бедным народом. Парадоксально, но факт, что крупные русские купцы и промышленники (такие как С. Мамонов, С. Морозов, Н. Мешков) финансировали партии леворадикального толка, выступавшие против частной собственности. В русском народе самым свободным считался странник, полностью лишенный собственности: «Странник ходит по необъятной русской земле, никог-

² Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Абerrации совести» (в соавт.), «Этика и жизнь (о двух типах этического знания)» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

да не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль»¹. *Русский жаждет безграничной свободы*, ничем не скованной ни собственностью, ни правом и законом. Безграничная свобода, по-русски — *воля*, манит его, и он часто из-за этой своей интенции свободы попирает законы.

Собственно говоря, преодоление силы закона и составляет сущность стремления к беспредельной, то есть абсолютной, свободе. Причем попираение или преодоление закона может осуществляться на разных уровнях. Во-первых, нарушаются юридические законы. Правда, главное тут не само нарушение закона, ибо везде, где действуют законы, есть нарушения и нарушители правопорядка, а отношение к закону, праву и правонарушению. В русском сознании до сих пор не утвердилась идея верховенства закона над человеком. Русский человек, особенно наделенный властью, как правило, считает себя выше закона: «Закон что дышло, куда повернул — туда и вышло». В этой поговорке четко прослеживается характерное для русских пренебрежение к юридическим законам и установлениям. Однако было бы ошибкой интерпретировать это обстоятельство как признак криминальности русского сознания. Просто для широкой русской души всякий закон узок, к тому же никакой законодатель не способен уследить и поспеть за многообразием и текучестью жизни в России. Во-вторых, русский способен посягнуть и на социально-исторические законы. Петровские реформы, социалистическая революция в полуфеодальной стране, программа построения основ рыночной экономики в 500 дней — таков далеко не полный перечень примеров социально-исторического волонтаризма в России, который, подчеркнем, не следует трактовать упрощенно: как проявление банального самодурства царя, маниакальной жажды власти большевиков и теоретической неискушенности молодых реформаторов-демократов.

Имеются более глубокие причины, побуждающие русских пренебрегать юридическими и социально-историческими законами. Они-то и составляют третий, с нашей точки зрения, основной уровень, на котором русский стремится преодолеть закон. Речь идет в данном случае об онтологических законах, законах бытия. Русский понимает и чувствует свободу как избавление от всякого зла, включая и зло смерти. Смерть — это закон павшего бытия. Таким образом, *абсолютная свобода* оказывается, по существу, *тождественной спасению*, а своеобразие русского понимания и переживания свободы заключается в том, что ей (*свободе*) *придается духовный, религиозный смысл*, а не экономический и юридический, как на Западе. В таком восприятии свободы есть свои плюсы и минусы. Жажда воли побуждала русского к освоению новых земель, которые, в свою очередь, требовали мощного государства, способного управлять обширными территориями.

Феномен русского космизма (весьма специфического и уникального явления русской культуры) также может быть объяснен интенциями русского созна-

ния к абсолютной свободе: если она недостижима на земле, то, может быть, ей найдется место на небе? Н. Бердяев писал: «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть»². Жажда иного мира, иной жизни (читай: спасения или абсолютной свободы) из недовольства тем, что есть, приводила и приводит русских к самым разнообразным последствиям: святости и праведности, нигилизму и анархизму, западничеству и славянофильству, религиозному сектантству и богоискательству, бунтам и революциям. И чтобы русское понимание и переживание свободы носило конструктивный характер, его необходимо соединить с религиозным опытом и христианскими традициями. В противном случае поиски абсолютной свободы на земле, как и абсолютного добра, будут приводить к очередному рабству: какой-либо общественной идее, технике, моде, кумирам и вождям и т. д. Эту альтернативную ситуацию лучше всего выражает русская пословица «*Вольному воля, спасенному рай*» (безудержная свобода без религиозной основы *ничего* не дает человеку, а свобода во Христе означает *спасение* его личности во времени и в вечности).

В осмыслении *добра* и *зла* русским народным сознанием духовный момент долгое время преобладал над моральным. Н. О. Лосский, рассматривая специфику национального восприятия добра, писал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим»³. Вообще же *специфика русского понимания добра* адекватно может быть воспринята только в контексте *идеи соборности*. Русские крестьяне, заставшие вора на месте преступления, не раздумывая, могли совершить над ним акт самосуда вплоть до убийства. Так проявлялась непосредственная реакция на зло и преступление. И в то же время в народе наличествовала удивительная мягкость и терпимость к осужденным преступникам, которых называли «несчастливыми». В этом контексте не стоит удивляться и тому обстоятельству, что после судебной реформы 1863 года суды присяжных заседателей часто выносили заведомо виновным преступникам оправдательные приговоры.

Народ тонко чувствовал сложную метафизику и драматизм жизни. Вот отчего на Руси так популярна была поговорка «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». У русских крестьян было глубоко развито чувство общей ответственности за зло и грех. Архимандрит Тихон из «Бесов» Ф. М. Достоевского, выразивший эту интенцию национального сознания, поучал, что греха единичного нет, что все люди буквально связаны всеобщностью прегрешений и сознанием виновности. Вот почему и спасение (окончательное избавление от зла и греха) возможно только всеобщее, соборное, а не индивидуальное или групповое.

В стремлении русского народа к абсолютному добру есть положительная и отрицательная стороны. По существу, положительная заключается в том, что

¹ Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской философской мысли XIX века и начала XX века // о России и русской философской культуре. М., 1990. С. 218.

² Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 217.

³ Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 240.

русские, осознав какое-либо моральное или социальное зло, могут «напрячь» все свои силы и искоренить его. Так, например, накануне Первой мировой войны в России было практически покончено со взяточничеством, в советское время — с безграмотностью населения, отсталостью в некоторых отраслях промышленности. Отрицательная же сторона обнаруживается в крайней нетерпимости к людям, имеющим другие убеждения, в безудержном морализаторстве. Попытки построить на земле общество безо всякого зла также вытекают из этой интенции национального нравственного сознания. Как показывает наша история, на деле это приводит к еще большему злу и насилию над человеком. Рай на земле невозможен, а вот подобие ада вполне возможно, если всеми силами стремиться к построению общества без зла.

Любовь — одна из важнейших ценностей культуры. Однако понимание и переживание любви также имеют свои вариации в разных культурных традициях. В трактовке любви огромное и решающее значение отдается христианству.

В православии любовь была воспринята во всей полноте ее божественности. Не случайно на Руси весьма почитаемые храмы — это храмы Пресвятой Троицы (самый знаменитый из них находится в Троице-Сергиевой лавре) и Христа Спасителя (в частности, недавно восстановленный в Москве). Надо сказать, что и православный народ тонко чувствовал Божественную любовь и понимал, что она не похожа на человеческую. Раньше простые крестьяне сокрушенно говорили, что Бог их оставил, если в семье долго не было неприятностей или несчастий. Для правильно сформированного православного сознания естественно восприятие

всего, что выпадает на долю человека или народа, как прямого и непосредственного воздействия и проявления Божественной любви. Поэтому, согласно духовно-нравственным представлениям русских, Бога надо благодарить за все: за приобретения и потери, за удачу и беды, за удовольствия и страдания, за счастье и несчастье, поскольку все это дается ради спасения человеческой личности.

У М. Волошина есть строки, которые прекрасно передают это православное переживание любви:

Нам ли весить замысел Господний,
Все поймем, все вынесем любя —
Жгучий ветер полярной Преисподней —
Божий Бич! — приветствую тебя!¹

Бог изливает свою любовь на всех и каждого, любовь эта принимает такие формы и масштабы, такую ценностную окраску, какие могут послужить человеку или народу для их блага не только в пределах земной жизни, но и в вечном бытии. Пока русский народ жил этим восприятием Божественной любви, он был более человеческим, более терпимым, более смиренно выносил скорби и тяготы жизни. Он был великодушен к пойманным и осужденным преступникам, называя их «несчастными». Он жалел плененных и раненных врагов. Не гнал нищих. Стоило ему потерять это ощущение земного присутствия Божественной любви, как оскудела его человечность.

Резюмируя наши рассуждения, можно сказать, что для достижения национальной идентичности русским необходимо во всей глубине постичь сущность своей культуры во всей ее полноте и многогранности.

¹ *Волошин М.* Стихотворения и поэмы. Екатеринбург, 1992. С. 221.